

ЗАВѢТЫ ПУШКИНА.

Творенія Пушкина не только цѣнны въ художественномъ отношеніи, но еще, какъ замѣтилъ Достоевскій, содержатъ пророчество и указаніе. Посему теперь, когда мы пребываемъ во искушеньяхъ долгой кары и жаждемъ услышать жгущій сердца пророческій глаголь, мы въ священной тревогѣ о судьбѣ нашего отечества естественно вопрошаемъ Пушкина. И вопрошаемъ мы его не просто какъ поэта, а какъ и учителя.

Пушкинъ учитель! Не странно ли это? Вѣдь онъ былъ чистый поэтъ, далекій и отъ житейскаго волненія, и отъ корысти, и отъ битвъ. Да, онъ былъ поэтъ. Но, какъ онъ самъ выразился, онъ не былъ только стихоткачъ или риѣмотворъ. Онъ былъ поэтъ „союза волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ“. Онъ не былъ только творцомъ красивыхъ звуковъ, не былъ декадентомъ. И посему у него форма еще не была изящною оболочкою для ничтожнаго содержанія или совершенной пустоты. Онъ не походилъ на Флобера, этого, по словамъ Дюма, „великана, который рубилъ цѣлый лѣсъ, чтобы изготвить коробочку“. Несравненному совершенству литературной формы у него соотвѣтствовало также и совершенство содержанія, всегда значительнаго и идейнаго. Какъ замѣтилъ Мериме, въ его стихахъ всегда больше содержанія, чѣмъ словъ. Своею лирою онъ пробуждалъ и чувства и мысли. Чувства были добрыя. А мысли были мудрыя, ибо Пушкинъ былъ очень уменъ. Недаромъ императоръ Николай I называлъ его умнѣйшимъ чловѣкомъ въ Россіи. Пушкина не привлекала „глупость въ золотыхъ очкахъ“, ибо онъ принадлежалъ не къ ученымъ, которыхъ много, а къ умнымъ, которыхъ мало. Онъ не былъ „чиномъ отъ ума избавленъ“ и не стремился „себѣ присвоить умъ чужой“. Убѣжденный, что „другъ истины — поэтъ“, онъ хотѣлъ жить, чтобы мыслить. И за свою краткую жизнь онъ накопилъ немало ума холодныхъ наблюденій. Онъ умѣлъ „говорить языкомъ высшей истины“, но такъ, чтобы его поняли „всѣ отъ мала до великаго“. Его „строгія заботы“ касались не только современности, но и предбудущихъ вѣковъ. Онъ думалъ, что его мысли могутъ пригодиться и нашему поколѣнію:

Съ моей, быть можетъ, тѣню
Мой правнукъ просвѣщенный
Бесѣдовать придетъ.

Такъ какъ „нынче всѣ умы въ туманѣ“, то не мѣшаетъ намъ, правнукамъ Пушкина, откликнуться на этотъ призывъ, побесѣдовать съ его тѣню и усвоить тѣ завѣты, которые онъ намъ оставилъ.

Первый завѣтъ — неунывающая бодрость духа несмотря ни на какія невзгоды. Пушкину пришлось прикоснуться къ той порѣ, когда

Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Онъ пережилъ Наполеоново нашествіе, это, какъ выразился митрополитъ Филаретъ, „устремленіе слянныхъ силъ едва ли не цѣлой Европы на единую Россію“. Онъ пережилъ бунтъ декабристовъ, обрекшій его друзей на „скорбный трудъ“ „во глубинѣ сибирскихъ рудъ“ и „въ мрачныхъ пропастьяхъ земли“. Онъ пережилъ воодушевившее клеветниковъ Россіи трагическое столкновеніе двухъ славянскихъ народовъ. Все это у многихъ вызывало смятеніе и уныніе. Но Пушкинъ не унывалъ. Бодро несъ онъ и крестъ своей личной жизни. А она была не легка. Недаромъ поэтъ такъ жадно, съ такою благодарностью принималъ перепадавшія на его долю крупичицы счастья. Его жизненный путь былъ тернистъ и каменистъ. Это былъ „рядъ горестей“ и миллионы терзаній. Какъ Моцартъ, Пушкинъ постоянно боролся съ денежными затрудненіями. И онъ однажды написалъ: „о чемъ я думаю: чѣмъ намъ жить“?

Я весь дрожу... Однако жъ деньги
Мнѣ нужны.

Въ его творческіе порывы грубо вторгался экономическій матеріализмъ съ его коммерческими вычисленіями:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

И поэтъ, считавшій себя рожденнымъ для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ, сознававшій, что у „немногихъ, родившихся поэтами“, „поэзія объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“, объяснявшій женѣ: „писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу“, долженъ былъ, какъ онъ самъ выразился, пуститься въ журнальную спекуляцію и оправдывать свое божественное призваніе корыстными соображеніями: „оно, стихотворство, просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость“.

Отношенія Пушкина и къ отцу и къ женѣ были глубоко драматичны, болѣе того — трагичны. Недаромъ передъ вѣнцомъ, когда поютъ

„Исаія, ликуй“, онъ писалъ : „горести входятъ въ мои домашніе рас-
счеты ; всякая радость будетъ мнѣ неожиданною“. „Милый мой ангелъ,
— писалъ онъ однажды женѣ—я было написалъ тебѣ письмо на четы-
рехъ страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его
тебѣ не послалъ“. Въ заботахъ суетнаго вѣка ему приходилось раз-
мѣниваться на мелочи и только урывками отдаваться своему священ-
ному призванію. Для близкихъ и родныхъ Пушкинъ былъ не Божіею
милостью геній, а неудачникъ, не сдѣлавшій настоящей служебной и
придворной карьеры. Для далекихъ и чужихъ, для дѣтей ничтожныхъ
міра, онъ былъ не великимъ поэтомъ, а „коадьюторомъ великаго
мастера ордена рогоносцевъ“. Вѣчный скиталецъ, онъ не ждалъ без-
болѣзненной, непостыдной и мирной кончины живота своего :

На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судиль.

И его трудная жизнь кончилась тѣмъ, что послѣ мучительной ду-
шевной пытки онъ палъ на поединкѣ, точнѣе, былъ разстрѣлянъ
у барьера, разстрѣлянъ ничтожнымъ иностранцемъ, которому до Рос-
сіи не было никакого дѣла, и который еще очень долго преблагопо-
лучно жилъ во Франціи, успѣшно дѣлая карьеру сенатора второй
имперіи.

Словомъ, хотя Пушкинъ и не переживалъ такихъ ужасовъ, какъ
мы, тѣмъ не менѣе его жизнь была тяжела и протекала трагически.
Сознаніе какой-то обреченности прорывалось у него даже во дни ли-
кующей молодости :

Дышать уныньемъ мой удѣлъ.
Вся жизнь моя печальный мракъ ненастья.
Передъ собой одну печаль я вижу.
Остались мнѣ одни страданья.

Это не была рисовка или байронизмъ. Это были слезы сквозь
смѣхъ. Это былъ вопль „души усталой, волненъемъ жизни утомлен-
ной“. Но не этотъ мотивъ преобладалъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ
не былъ поэтомъ грусти, какъ называлъ Лермонтова проф. Ключевскій.
Совсѣмъ напротивъ, онъ былъ поэтъ бодрости и даже радости. Онъ
оставилъ завѣтъ здоровой и свѣтлой радости, преодолюющей вся-
кія невзгоды объективнымъ и гармоническимъ отношеніемъ къ бы-
тію, а также творческимъ трудомъ и блаженствомъ вѣры.

Пушкинъ оставилъ завѣтъ объективности, умѣнія не забиваться
въ пещеру субъективной неудовлетворенности. Ему далеко не чужда
была тревога и о личномъ и объ общемъ, и о близкомъ и о дале-
комъ. Но онъ преодолевалъ ее тѣмъ, что съ высоты взиралъ на жизнь.
Оттуда виденъ не только гадъ морскихъ подводный ходъ, но также
и горній ангеловъ полетъ. „На высотахъ созданія“ все личное и все
текущее кажется маленькимъ и мелкимъ. Здѣсь нѣтъ невольничьихъ
тревогъ. Сюда не поднимаются удушливые газы. Здѣсь дышется легко,

свободно, глубоко. Отсюда открываются начала и концы, и бурная рѣка времени пріобрѣтаетъ видъ недвижной серебристой ленты. Пушкинъ далъ намъ живой примѣръ такой именно созерцательности. И если бы мы послѣдовали этому его завѣту, мы легче бы справлялись съ „жизни мышьею бѣготней“ и научились бы прислушиваться къ голосу вѣковъ. Тогда бы мы пріобрѣли и ту гармонію, которую намъ Пушкинъ завѣщалъ.

Гармонія это одно изъ самыхъ удивительныхъ свойствъ его генія. Удивительна она потому, что шла вразрѣзъ и съ собственною натурою поэта и съ преобладающимъ настроеніемъ русскихъ писателей. По природѣ Пушкинъ былъ порывистъ, склоненъ къ крайностямъ и даже неистовъ. Недаромъ въ его жилахъ текла африканская кровь. И онъ самъ себя называлъ „потомкомъ негровъ безобразнымъ“, въ которомъ сидѣлъ „бѣсъ арабскій“. Естественно было ожидать, что его творчество окажется во власти необузданной фантазіи, какъ у Дюма-отца, писателя тоже полуафриканскаго происхожденія. Между тѣмъ Пушкинъ сумѣлъ такъ обуздать свой талантъ, какъ это не всегда удавалось другимъ классическимъ поэтамъ. Такъ, на примѣръ, хотъ Гете и провозгласилъ :

In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister,

однако онъ не ввелъ всего своего „Фауста“ въ чеканные предѣлы. У Пушкина совѣмъ не было той чрезмѣрности, въ которую впадали позднѣйшіе властители русскихъ думъ. Они то забирались на сверхъестественную высоту, откуда все земное кажется уже не только не существеннымъ, но даже и не существующимъ ; то растекались такъ безбрежно, что расплывалось и тонуло все, чтò близко и возможно ; то спускались въ темное подполье, гдѣ ихъ поджидалъ когтистый звѣрь, скребящій сердце — совѣсть. Послѣ Пушкина появились „жестокіе таланты“, писавшіе съ надрывомъ, наносившіе и еще растравлявшіе душевныя раны. Во всемъ этомъ сказывалась безформенность и непомѣрность. У Пушкина же этого не было. Онъ въ высочайшей степени владѣлъ тѣмъ, что французы называютъ формою. А это предполагаетъ сосредоточенность, мѣру и прежде всего гармонію. Этотъ примѣръ Пушкина и этотъ его завѣтъ особенно цѣнны теперь, когда хранина русской культуры разсыпана, и предстоитъ напряженная работа по введенію въ берега разбушевавшейся и расплескавшейся стихіи.

Работа, трудъ — это тоже одинъ изъ завѣтовъ Пушкина. Самъ онъ трудился. Трудился много и напряженно. Это явствуетъ хотя бы изъ его черновиковъ. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что его стихи далеко не были просто „плоды веселаго досуга“, а представляли „плоды постояннаго труда“. Хотъ Пушкинъ и набрасывалъ на свое творчество покровъ „безплодной лѣности“ и „счастливаго бездѣйствія“, однако онъ вовсе не былъ „счастливою лѣни вѣрный сынъ“. Давно замѣчено, что геній это терпѣніе. Конечно, это не значитъ, что и обратнo — одно терпѣніе это уже и геній. Но это значитъ, что безъ ве-

ликаго труда нѣтъ и крупныхъ произведеній, и что кому много дано, съ того и много взыскивается. Пушкинъ это понималъ. Онъ понималъ, что безъ „постояннаго труда“ нѣтъ „истинно великаго“. И посему у него былъ „жаръ къ трудамъ“. Его трудъ былъ многолѣтній, молчаливый спутникъ ночи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ свободный и вдохновенный трудъ, не подневольный и постылый ремесленный, а радостный, творческій, артистическій. Трудъ производительный и не кипящій въ дѣйствиі пустомъ. Трудъ какъ отдыхъ отъ усталости:

Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ.

Какъ Кольцовъ воспѣлъ радость физическаго, земледѣльческаго труда, такъ Пушкинъ воспѣлъ радость труда духовнаго. Въ трудѣ онъ видѣлъ не проклятіе, а благословеніе. Всѣмъ трудящимся и обремененнымъ онъ давалъ живой примѣръ бодрости. А тѣхъ, кому былъ тошенъ трудъ упорный, онъ призывалъ къ дѣлу, предлагая имъ „живой и постоянный, хоть малый трудъ“. Маниловщина, обломовщина — все это было ему чуждо. Онъ осуждалъ, что „мы лѣнны и не любопытны“, что „разговоры принять мы рады за дѣла“. У него совсѣмъ не было того отвращенія къ труду, какъ къ несчастію, которое проявили иные наши заступники трудящихся. Его завѣтъ труда полонъ глубокаго значенія и для насъ, которые такъ часто „въ напрасной скукѣ тратимъ судьбой отсчитанные дни“ и повторяемъ слова иного поэта, не Пушкина: „суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано“.

Самый упорный трудъ становится безсмысленнымъ, если онъ не вдохновляется вѣрою въ идею, во имя которой стѣитъ и слѣдуетъ трудиться. Трудъ Пушкина былъ воодушевленъ великою идеею, дававшей ему блаженство вѣры. Эта идея, эта вѣра была Россія. Пушкинъ не только любилъ ее, любилъ такъ искренно, такъ нѣжно, какъ дай ей Богъ любимой быть другими. Онъ еще вѣрилъ въ нее и надѣялся на нее, надѣялся такъ прочно, что самое слово Россія было для него равнозначно неколебимости вообще: „неколебимо какъ Россія“. Такое отношеніе къ отечеству является драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ завѣтовъ Пушкина. И его вѣщія рѣчи объ этомъ таковы, что имъ безъ волненія внимать невозможно.

Съ арабскою кровью въ жилахъ, съ французскимъ воспитаніемъ, со всемірною отзывчивостью Пушкинъ былъ глубоко русскій человѣкъ, неразрывно связанный не только съ вершинами нашей культуры, но и съ народною стихіею, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ. Онъ любилъ „передъ избушкой двѣ рябины, калитку, сломанный заборъ... да пьяный топотъ трепака передъ порогомъ кабака“. „Клянусь вамъ честью, — писалъ онъ Чаадаеву, — что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы переимѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ“. Любя Россію сыновнею любовью, Пушкинъ, какъ и Петръ Великій, не пре-

зираль страны родной: онъ зналь ея предназначенье. И онъ не послѣдовалъ ни за угрюмымъ Радищевымъ ни за высокомернымъ Чаадаевымъ: „что же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству... какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія?“

Пушкинъ любилъ Россію, какъ живое отечество съ прочными корнями въ родной почвѣ, любилъ ее въ „дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой“. Питая „любовь къ отеческимъ гробамъ“, онъ утверждалъ, что „неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости“, и что только „дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ“. Онъ сознательно разбирался „во вкусѣ умной старины“. Не проповѣдуя насильственнаго поворота вспять и высоко цѣня преобразованія Петра Великаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ безконечно далекъ отъ позднѣйшаго нигилизма, отметавшаго наслѣдіе прежде почившихъ отцовъ и братій.

Пушкинъ завѣщаль намъ любить не просто Россію и не только Великороссію, а великую Россію, сильную и державную, объемлющую „всякъ сущій въ ней языкъ“. Его не убѣдила попытка Полевого замѣнить Карамзинскую „Исторію государства Россійскаго“ исторією „русскаго народа“. Онъ не проповѣдывалъ безгосударственной или даже противогосударственной общественности. И онъ цѣнилъ единство русской стихіи, крѣпко спаянной металломъ мощной государственности. Ея границы начертаны не кичливостью или своекорыстіемъ иноплемениковъ, а самую природою и историческимъ призваніемъ страны. Онъ твердо помнилъ географію Руси великой, раскинутой

отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая.

И онъ далъ гордый отпоръ притязующимъ на русскую землю:

Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?...
Нашъ Кіевъ, дряхлый, златоглавый,
Сей прашуръ русскихъ городовъ...

Такова великая Россія Пушкина. Это не только великая, но и славянская Россія. У Пушкина былъ не только русскій, но и „славянскій духъ“. Задолго до официальнаго переименованія онъ уже называлъ Санктъ-Петербургъ Петроградомъ. Онъ угадалъ гораздо глубже, чѣмъ Мериме, подлинный духъ югославянской музыки. Къ ненавистникамъ славянства онъ обращался съ грознымъ предостереженіемъ:

Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь,
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье.

Онъ вѣрилъ, что русское море не изсякнетъ, и что пути славянскихъ ручьевъ и рѣкъ ведутъ именно къ нему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что, неся свои волны въ море, и ручьи и рѣки не перестаютъ существовать и обновляться своими собственными источниками и притоками. Къ славянству въ первую очередь относились его благородныя мечты

о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Для столь, къ сожалѣнію, свойственной славянамъ семейной вражды Пушкинъ искалъ не „пѣснь обиды“, а слово примиренія или по крайней мѣрѣ разумѣнія :

Издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена.
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.

Россія Пушкина это культурная Россія. Недаромъ онъ съ такимъ сочувствіемъ отнесся къ всеобъемлющей душѣ и пребыванію въ работѣ Петра Великаго. Онъ далъ проникновенные образы той поры, когда „Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ“, и когда она,

Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ гениемъ Петра.

Онъ былъ убѣжденъ, что врагамъ задуманной Петромъ культурной Россіи никогда не удастся ихъ злое дѣло, и они

тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра.

Всѣхъ ихъ должно постигнуть то, что случилось съ безумцемъ, вздумавшимъ пригрозить Мѣдному Всаднику :

„Добро, строитель чудотворный!
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ,
Ужо тебѣ!“ И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился.

Пушкинъ спасался отъ унынія, вспоминая Петра. Этимъ онъ далъ также и намъ примѣръ видѣть не только воспоминаніе прошлаго, но и залогъ добраго будущаго въ Петрѣ, о которомъ Неплюевъ сказалъ: „что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“.

Въ культурной Россіи Пушкинъ завѣщалъ намъ хранить и беречь непреложныя цѣнности и совершенствовать цѣнности, творимыя и преобразуемыя. Хранить и беречь вѣру и языкъ. Совершенствовать просвѣщеніе, а черезъ него технику и гражданственность.

Пушкинъ прошелъ черезъ маловѣріе и даже невѣріе. И тогда ему казалось, что „чистый аѳеизмъ, къ несчастію, болѣе всего правдоподобенъ“, что жизнь — это „даръ напрасный, даръ случайный“, и что „безвѣріе одно влечетъ несчастнаго до хладныхъ вратъ могилы“. Прошелъ онъ и черезъ исканія, когда „умъ ищетъ Божество, а сердце не находитъ“. Но кончилъ онъ обращеніемъ къ христіанству. Именно его онъ призналъ планетарнымъ явленіемъ, ибо, писалъ онъ „великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство“, и „исторія новѣйшая есть исторія христіанства“. Въ противоположность Бѣлинскому, твердившему объ атеизмѣ русскаго народа, Пушкинъ не представлялъ себѣ Россіи безъ христіанства. О томъ, чтобы она могла стать совершенно безбожною, какъ мечтаютъ тѣ, которые, какъ „нѣкимъ хіосскимъ жителямъ“, дозволено „паковать всенародно“, и которые въ своемъ комсомольскомъ усердіи такъ раздуваютъ его легкомысленную, но не злостную Гавриіаду, поэтъ и не помышлялъ: для этого онъ былъ слишкомъ „крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ“. Но онъ высказался о другой возможности, именно объ окатоличеніи Россіи, чѣмъ хвалился Самозванецъ:

Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признають власть намѣстника Петра.

Пушкинъ рѣшительно отвергъ эту возможность. Безъ изувѣрства, безъ ханжества, безъ назойливаго оказательства онъ ревновалъ о православіи. Онъ съ глубокимъ пониманіемъ оцѣнилъ дѣло Георгія Конисскаго. И онъ опровергалъ Чаадаева: „мы приняли отъ грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній“.

Не менѣе бережно, чѣмъ къ вѣрѣ отцовъ относился Пушкинъ къ родному языку. Его не привлекали „чужихъ нарѣчій погремушки“. Онъ предпочиталъ прислушиваться къ „удивительно чистому и правильному языку“ московскихъ просвиренъ. Онъ былъ такъ строгъ къ собственнымъ выраженіямъ, такъ стремился „въ слогъ поправляться“, что его алмазный, какъ выразился Вогюе, стиль все еще казался ему недостаточно чистымъ:

Мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ бѣ гораздо меньше могъ
Иноплеменными словами.

Онъ возмущался тѣмъ, что „сокровища роднаго слова безумно пренебрегли мы“, а также тѣмъ, что „ученость, политика и философія по-русски еще не изъяснились; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ“, ибо „лѣнность наша охотно выражается на языкѣ чужомъ, котораго механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны“. Не относится ли этотъ упрекъ еще и къ намъ, которые такъ мало боремся съ тѣмъ, что Ломоносовъ называлъ „дикими нелѣпостями слова“?

Пушкинъ училъ не только хранить, но и приумножать русскія культурныя цѣнности. Посему онъ не подводилъ преждевременныхъ итоговъ и имѣлъ мужество критическаго патриотизма, который впередъ глядитъ и безъ боязни. Осуждая высокомеріе Чаадаева, онъ все же писалъ ему: „нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе“. Понималъ Пушкинъ и зло крѣпостнаго права: „здѣсь барство дикое... здѣсь рабство тощее“. Настоящая Россія еще не готова. Она требуетъ еще большой работы. И Пушкинъ призываетъ къ ней, призываетъ „отчизнѣ посвятить души прекрасныя порывы“. Не въ разрушеніи видѣлъ онъ это призваніе, а въ созиданіи. Знаюкъ исторіи Пугачева и авторъ „Капитанской дочки“, онъ хорошо понималъ, что такое „русскій бунтъ, бессмысленный и безпощадный“. Не привлекала его и французская революція, этотъ „союзъ ума и фурій“, для коего „убійство — простое тѣлодвиженіе“. Чуждый демагогіи и не припадая „къ ногамъ народнаго кумира“, онъ стремился угадать назрѣвшія нужды:

И неподкупный голосъ мой
Быль эхо русскаго народа.

Насущнѣйшею задачею современности Пушкинъ призналъ преодолѣніе непросвѣщенности народа: „вездѣ невѣжества губительный позоръ“. „Одно просвѣщеніе — писалъ онъ — въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія“ и преодолѣть „губительное время, когда невѣжества несли Россію бремя“. Плодами просвѣщенія онъ считалъ усовершенствованіе техники и гражданственности:

Когда благому просвѣщенію
Отдвинемъ болѣе границы,
Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой,
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды.

Усовершенствованіе гражданственности Пушкинъ видѣлъ въ приобщеніи народа къ „свободѣ просвѣщенной“. И посему возславилъ онъ свободу. Но онъ и тутъ остался мастеромъ гармоніи и формы. Онъ осудилъ ту стихійную и анархическую свободу, которая „для себя лишь хочетъ воли“. „У трона вѣрный гражданинъ“, онъ стоялъ за гражданственность,

Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье.

И онъ предупреждалъ всѣхъ безъ различія властителей: „вѣчный выше васъ законъ“. Прославивъ въ свой жестокой вѣкъ закономѣр-

ную свободу, Пушкинъ протянулъ руку Петру Великому, который „не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія“, и Сперанскому, утверждавшему, что Россія „безъ сомнѣнія имѣеть прямое направленіе къ свободѣ“.

Таковы главные завѣты Пушкина. Какъ далеки они отъ того, что теперь переживаетъ наше отечество! Гдѣ неунывающая бодрость и гармонія? Гдѣ радостный и привлекательный трудъ? Гдѣ вѣра въ Бога и Россію? Гдѣ уваженіе къ прошлому, къ чистотѣ родного языка, къ культурѣ, свободѣ и законности? Нѣтъ этого всего. Но значить ли это, что слѣдуетъ приходить въ отчаяніе? Значить ли это, что если и не вся „вселенная на гибель предана“, то погибаетъ наша родина? Значить ли это, что все потеряно — и русское отечество, и русская культура, и русская честь и даже самое русское имя? Пушкинъ отвѣтилъ намъ и на эти тревожные вопросы. Онъ отлично понялъ одну особенность развитія Россіи, именно то, что разъ въ сто лѣтъ она испытываетъ потрясенія. И тогда получается впечатлѣніе старческаго одряхлѣнія и конца. Но въ дѣйствительности это только юношескіе переломы, за которыми наступаетъ новый расцвѣтъ. Такова смута въ началѣ XVII вѣка, мастерски изображенная въ „Борисѣ Годуновѣ“. Такова зловѣщая пора начала XVIII вѣка, когда вздернутая на дыбы Россія глухо волновалась, а сосѣди уже готовились дѣлить ее. Тогда бывали такія трудныя положенія, что гибель казалась неминуемою. Но тяжкій млатъ, дробя стекло, коваль булатъ. И правъ былъ Петръ, твердившій: несчастья бояться — счастья не видать.

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
Отъ сильныхъ гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.

Но въ началѣ XIX вѣка опять струсилась бѣда: „увы! на башняхъ галлъ Кремля“; „Москва въ уныніи, какъ степь въ полночной мглѣ“. Опять казалось, что все погибло. Но это только такъ казалось. Галлы и съ ними прочіе языки были изгнаны изъ Москвы и Россіи. И Пушкинъ пріѣтствовалъ освобожденіе первопрестольной столицы:

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.

Онъ же вопрошалъ:

Сильна ли Русь? Война и миръ,
И бунтъ, и внѣшній буръ напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!

Прошло еще сто лѣтъ. И наступили наши дни. Опять Россія пошатнулась. Опять отечество въ бѣдѣ. Для ея изображенія мы найдемъ

яркія краски и живые образы у Пушкина же, тамъ, гдѣ онъ живописуетъ прежнія потрясенія. Надо только „межъ печатными строками читать духовными очами другія строки“. Вотъ онѣ:

Москва, сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!

Она опять въ уныніи. Опять явились самозванцы и „въ красную Москву кажутъ врагамъ завѣтную дорогу“. „Государство шатнулось будто подъ грозой“. Воздвигли было „знамя вольности кровавой“. Но эта „новорожденная свобода, вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ“. „Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами единый властвуетъ топоръ“. Произошло это такъ, что „мы свергнули царей. Убийцу съ палачами избрали мы въ цари“. „Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ и вольныя главы подъ иго преклоняли“. Чего же дождались мы?

Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленіе.
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
И въ сердцѣ жалость умерла.

Народъ уже не безмолвствуетъ. Но у него пока хватаетъ силъ для одного лишь ропота.

Народъ нетерпѣливый,
Досадуя, влачитъ позорный свой яремъ
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Встревожены умы — и пламя глѣбеть въ нихъ.

И вотъ многіе дрогнули. Неужто, отдавъ своихъ лучшихъ сыновъ, что „нашей кровью искупали Европы вольность, честь и миръ“, истощена наша Россія? Неужто ея уже нѣтъ и болѣе не будетъ, а будетъ или мрачная пустыня, или союзъ социалистическихъ совѣтскихъ республикъ, точнѣе, союзъ пугачевщины и интернационала съ псевдонимными властителями, которые держатъ въ рукахъ не скипетръ, а серпъ и молотъ, стремясь дробить булатъ и ковать стекло, а также засорять ниву русской культуры плевелами пролеткульта?

Но есть ли дѣйствительное основаніе для такого малодушія? Вотъ тутъ то намъ особенно необходимо помнить Пушкина, его убѣжденіе, что Россія это символъ непоколебимости и, что изъ cadaго потрясенія она выходитъ еще болѣе окрѣпшею. Если бы онъ былъ съ нами, его не запугали бы ни пугачевщина, ни интернациональ. Онъ изучилъ исторію Пугачевского бунта. И онъ показалъ, что пугачевщина не только прекращается, но и сама себя осуждаетъ, какъ это сдѣлалъ и самъ Пугачевъ, заявившій: „Богу было угодно наказать Россію черезъ мое окаянство“. Что же касается интернационала, то авторъ „Бориса Годунова“ показалъ намъ, что ворамамъ и самозванцамъ иногда удается захватить власть надъ Россією, но что это оказывается недолговѣчнымъ. Къ тому же, спрашивалъ Пушкинъ, „какой народъ ввѣритъ права свои тайнымъ обществамъ?“ „Должны — увѣрялъ онъ — еще

произойти великія перемѣны“, „и въ тьмѣ возникшіе“ будутъ „низвергнуты во тьму“.

Таково пророчество Пушкина. Таково его указаніе. Если мы вѣримъ нашему поэту, если мы дѣйствительно считаемъ его глаголь пророческимъ, то мы должны также раздѣлить надежду славы и добра, съ которой онъ глядѣлъ впередъ и безъ боязни, былъ убѣжденъ, что „взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья, Россія вспрянетъ ото сна“, и провозгласилъ: „исчезни, краткій нашъ позоръ“, „Россія встань и возвышайся!“

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ

**ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ**

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА